

Санджар Янышев

ПОЭТИКА КУРЬЕЗА

Когда Виталик с обнадеживающей регулярностью стал выкладывать в сети свои записи (а перед этим, кажется теперь, специально завел себе аккаунт в фейсбуке), я написал ему, что это круто, что это готовая книга; он не ответил. Он вообще похвалы стеснялся — и своей, и чужой, считал, что любому писательскому высказыванию необходим строгий редактор; что нет такого текста, который нельзя сперва поругать, в который нельзя вмешаться. Этому его научил любимый Иркутск, тамошние системные проработки, школа литмастерства, которую он прошел в качестве учимого, а потом и учителя.

Конечно, «книгой» подобные записки обыкновенно становятся *postmortem*: в 20-м томе академического тщательно откомментированного академического собрания, когда читательская напитанность главными текстами классика уравнивается обывательским интересом к его личности — и, параллельно, изрядным корпусом научных разысканий.

Однако у социальных сетей с их тавтологической сверхпрезентацией личного (я плюс мои козочки... мои розочки... мои голубцы...) — есть одна неожиданная особенность: всякое личное тут оборачивается ТЕКСТОМ: и я уже не я, а мой немножечко лирический герой, и вы — уже не вы, а мои читатели/слушатели/зрители. На этом фоне запись умышленно литературная напротив разряжается в как бы «документальную»; выдуманное обращается в только что подслушанное, еще не остывшее — степень достоверности в любом случае возрастает сообразно иллюзии взаимной близости: автора поста и читателя. Даже рифмованное стихотворение становится в определенной мере рассказом о том, как оно только что, почти на глазах изумленных «френдов», создавалось.

Что уж говорить о прозе, особенно смешанной, в которой личные высказывания автора перемежаются с репликами персонажей — то ли реальных, то ли фантомных; словно из романа выжали всю, по слову Пушкина, приличествующую ему «болтовню» и оставили бродить в теплой бактериальной среде.

Именно это качество фейсбука позволило строгому к себе, целомудренному, как Веничка, вечно рефлексирующему Виталию Науменко (очень трудно говорить о нем отстраненно — «Виталий»!) вытащить из ноутбука годами накапливающуюся текстовую массу для будущей прозы и, наскоро разбив на небольшие «главки», а также снабдив эти блоки остроумными, не столько объединяющими, сколько дополняющими заголовками, начать двухлетний — финальный — постинг.

5 июля ушел из жизни автор нашего журнала, поэт и прозаик Виталий Науменко (1977—2018).

Его памяти мы посвящаем эту публикацию.

Он, разумеется, знал, что превратить все свои «штучки» в регулярную прозу уже не успеет. Знал, что если не выпустить их сейчас, пропадут не за понюшку табаку, как пропадали в его жизни люди. Спивались, убивались, улетали на другую планету...

Потери толпились и множились — тем крепче В. удерживал каждый, на первый взгляд, совершенно не нужный предмет, искал в куче барахла при каком-нибудь очередном переезде, сверяясь с мысленным каталогом. Книги, в основном, диски (В. был изрядный кино- и меломан), бухарские и бурятские фенечки... Собственные же тексты пропадали вместе с носителями, даром что хранились в двух видах: рукописном и электронном. Фигура Отчима — то ли из «Гамлета», то ли из Кафки, — ущемленного и потому ущемляющего, вечно посягающего на Главное («у моего отчима уникальная потребность: выбрасывать все, что ко мне относится»), вдруг зачем-то отводящего мальчика в морг, — преследовала В. и в родном Железногорске-Илимском, и в Иркутске, и в Москве.

«Почему-то в сказках от приемных детей хотят избавиться исключительно мачехи, отчимы — никогда», — вопрошал он не случайно, ведь в жизни, его жизни, все было иначе. Отчим размножался, на месте одного вырастал другой, словно новая голова старого дракона; фамилию первого, заменившего В. отца, он носил всю сознательную жизнь, но тот, увы, рано умер («хороший и талантливый мужик»). Все следующие немногим отличались от безумных, вторгающихся в личное пространство соседей — еще один навязчивый неистребимый кошмар.

«Нет домов, где бы не было соседей, желающих познакомиться. Куда ни переселяйся. Им же интересно: а что там у него». Обыкновенное человеческое качество в устах В. неизменно оборачивается фирменной русской «психушкой». Любая бытовуха пропускается через генеральное абсурдистское мироощущение. И тут непосредственный литературный... сосед Науменко — автор поэмы «Москва-Петушки»:

«И вижу: все четверо потихоньку меня обсаживают — двое сели на стулья у изголовья, а двое в ногах. И смотрят мне в глаза, смотрят с упреком, смотрят с ожесточением людей, не могущих постигнуть какую-то заключенную во мне тайну... Не иначе как что-то случилось...

— Послушай-ка, — сказали они, — ты это брось.

— Что "брось"? — я изумился и чуть привстал.

— Брось считать, что ты выше других... что мы мелкая сошка, а ты Каин и Манфред...

— Да с чего вы взяли!..

— А вот с того и взяли. Ты пиво сегодня пил?

— Пил.

— Много пил?

— Много.

— Ну так вставай и иди.

— Да куда "иди"??

— Будто не знаешь! Получается так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред...» (В. Ерофеев «Москва-Петушки»).

Кстати, любимой *вещью* Виталика был одно время том записных книжек Венедикта Ерофеева. Тех самых, из которых тоже почти ничего замышленного не произросло и которыми следует теперь наслаждаться, имея в руках слоеный код в виде того немногого, что таки произросло. Веничка — это *хороший* сосед (как тот хороший отчим), он показал Науменко, как можно, вынужденно обретаясь в советском «детстве» (а Виталик во многих смыслах из него так и не вышел), схлестывать в одной голове различные типы сознания, высекая на месте шизофренической разноголосицы — сжатый в пружину вероятностей иронический полилог:

«Витя заглянул в дырку, оставшуюся на месте сучка.

— Там гора. И две коровы. Одна смотрит на забор, а другая отвернулась. Машет хвостом.

— А еще?

— Там родник на горе.

— У меня в детстве на голове был родник, — похвасталась Поля.

Витя с недоверием посмотрел на нее. <...>

— А почему у тебя имя Поле? Ты ведь живешь в горах.

— Ну, ты и дурак. Ты в детстве что, со второй полки падал?

— Падал. Я на мужика с чемоданом упал.

— Удивительно! А я вот, к твоему сведению, падала с третьей полки прямо на пол. И ни одной царапины. Встала и пошла.

Витя хотел рассказать, что его однажды побили два пятиклассника, а в другой раз его закрыли в подвале на даче и искали сутки, что на демонстрации он нес портрет Громыко с надписью "Зайков" и вообще два раза переплыл Илим, но промолчал».

Это сцена из рассказа «Смертельный номер» («Дружба народов», 2014, № 11). «Дурацкий» треп в духе Ионеско смазывает эпизод сюрреальной оптикой — тем естественней появление мужика с перевязанной головой, в одном сапоге и с зеленым языком. Потом девочка разговаривает с животным («Здравствуй, корова. Меня зовут Поля. Меня сначала называли Олей, а потом Полей. И я не знаю, кто я»), обижается на Витю и грозитя прокусить ему руку «сразу в семи местах». И в памяти всплывает фраза из числа «штучек», включенных в данную публикацию: «намазывал свою руку паштетом и съедал ее».

Или вот, в том же рассказе герой едет девять часов на автобусе в некоторый Кургудай («необжитые места Союза»), НЕ ставший в итоге местом его инициации, и с соседнего сиденья слышит:

«— Я ему говорю: сними штаны, они цветом, как занавески у меня в кухне.

— И что?

— Снял с радостью. Зато, когда он меня бросил, пришлось занавески снимать, они мне его штаны напоминали».

Таких подслушанных сценок полно и в «Книге многих штучек». Если читать их подряд, неизбежно возникает хор курьёзных в своей основе персонажей — одновременно типических и фантастических, как в «Мертвых душах». По-сибирски особенных, окраинных, провинциально простодушных, но уже сильно усредненных, разбавленных телевизором: не фирменное речевое пиршество Бабея, не вывихнутый — речевой же — «коленвал» Платонова (их обоих Науменко, разумеется, принимал годами, как терпкую микстуру)...

Однако лица эти всегда «перевернуты», как в одном знаковом стихе Науменко:

Ни буфета, ни магазина;
Перевернутый человек.
Отливающие бензином
Забольничные вены рек
Чередой оглушают память
И воронкой уходят вспять.
Сумасшедшая меж рядами
Подошла застелить кровать.

Смерть имея в виду, родная,
Мы имеем в виду и снег.
Эта черная муть сырая
Перебеливает четверг,
Слыша музыку под руками,
Разбивается об стекло.
Только радио между нами,
Как растение, проросло.

.....

Боль большее чужой, а злоба —
Как роса на цветах, и пусть
Ты в словах заблудилась, чтобы
Знать безумие наизусть...

Последние две строчки можно ставить эпиграфом ко всей науменковской прозе. «Знать безумие наизусть» — это и о том, что случайных (незапомненных) элементов тут нет, есть щедрая вольница характеров — ущемленных, растерянных, свихнувшихся на своем, тайном, порядке.

«— Бабоньки! Артамон Потапыч, <...> красноносый, опять ко мне подлазал. — Это его грыжа ест, вот всех и лапает». Нет, это не из Науменко разговор, а из первого цветного советского фильма «Груня Корнакова» (1936). Полгода назад В. увидел его впервые. «Каждый кадр — что-то удивительное. <...> Фильм — забытый абсолютно, но его бы оценили феминистки».

Почему этот фильм оценили бы феминистки, вы узнаете, дочитав данную «штучку» до конца. Здесь отмечу только, что «женская тема» в произведениях Науменко — это, как говорят герои «Интервенции», «что-то особенного». Как у всякого порядочного кафкианца, женщины у В. — предмет восторга и ужаса. Женщины и дети. Но дети — они всё-таки свои, из этого мира. (Герой Хармса всего-навсего мечтал напустить на них столбняк). Женщины — существа с другой планеты. Поэтому их нужно изучать. Во многих — если не во всех — рассказах В. препарирует женский пол посредством внушительного набора инструментов. А повесть «Дневник Наташи» («НЮ», 2007, № 5 (80)) вообще пишет от лица девушки, постигающей мир мужчин. В одном из фейсбучных постов он задает прямой вопрос о различии м. и ж. — и тут же на него отвечает: «Мужчины не мстительны, они действуют по эпизоду. А женщины свою месть долго вынашивают, обдумывают. Ты уже не помнишь, как она выглядит, а месть все равно тебя настигнет».

Единожды уверившись — всюду ищет подтверждение своим выводам. Любимый киножанр Виталика — нуар. Во всех нуар-картинах женщина — главный источник опасности: она действует непредсказуемо и почти всегда предает...

Последнюю свою изданную книжку Науменко назвал по-киношному «Юноша в пальто» — отсылка к еще одному любимому фильму, и снова 1936 года: «Строгий юноша». В фильме есть такой — очень «науменковский» — разговор: « — Дядя, мне нужен фрак! — Я, Коля, преступление делаю. Это ведь из "Травиаты" фрак. Я, Коля, преступление делаю. Слышишь, Коля? Это из "Травиаты" фрак». В предвосхищении обожаемой Виталиком (и многожды нами обсужденной) Киры Муратовой режиссер «Строгого юноши» А. Роом под ручку с автором сценария Ю. Олешей исполняют ее любимый трюк: несколько раз повторенная фраза пропитывается смешным и жутковатым абсурдом. Диалог, словно укусовая пробка, отдает ничем не ограниченным безумием.

Фильм почти «нуаровский», женщина делает несчастными сразу двоих: старого мужа-ученого и «строгую» юношу-комсомольца.

Эта история спроецирована на задник лучшего, пожалуй, рассказа Науменко «Случай на театре» («Сибирские огни», 2012, № 11).

И в литературе, и в кино В. ценил речевые характеристики. Гоголя читал с карандашом, в жизни часто исполнял Мижучева (зятя Ноздрева): «Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает...»

Слово или фраза — и персонаж готов, выпуклый, живой, как Глеб Капустин из рассказа «Срезал» Василия Макаровича Шукшина, еще одного «хорошего соседа». Подобно Капустину, персонажи Науменко, сами того не замечая, пересыпают свою речь разночинными элементами: тут и газетные агитштампы (время действия — поздний СССР), и литературные высокопарности с признаками интеллигентского вырождения, и бытовой сленг. В той же степени курьёзны и происходящие с ними события. Получается дьявольски смешно. А после — чертовски горько.

«Иван Ильич с открытой и склоненной бутылкой "Наполеона" прокладывает по изгибам семейного общежития тонкую коньячную дорожку. Ворвавшись в супружескую спальню, он схватил Олега за майку и стал трясти его.

— Жалкий, ничтожный начальник смены! У нас на пороге стоит областной смотр. Жена ваша — богиня, хотя и торгует на рынке китайским фуфлом. Вы понимаете, кто жена ваша? Это я первым разглядел в вашей малютке талант! Как презренный металл превращается в ракеты нового поколения, как алмаз под умелыми руками гравировщика в бриллиант, она стала моим цветком, скажем так, чудесной розой созревшей невинности — и я не отдам вам ее, слышите, не отдам!

— Кого? Маринку? Ну, и забирай, если жить надоело, — бесстрастно ответил Олег, перевернувшись под одеялом. <...>

Иван Ильич упал перед кроватью, слезы полились из его глаз. Никогда еще отчаяние человека не выражало себя так полно и до конца. "Мизансцена, — бормотал он. — Перламутровое колено... Роза пахнет розой... Клянусь тебе священной луной..."

Таким образом он окончательно разбудил Олега, озабоченного по преимуществу своей завтрашней сменой. Марина отвернулась и тоже заплакала.

— Да знаете ли вы, что актриса — сосуд? — закричал, закрываясь руками, а потом картинно вскидывая их, Иван Ильич.

— Какая? — не понял Олег.

— Вы представляете, что такое смотр самодеятельности? Представляете, я вас спрашиваю?

Тут же, получив мощный удар в лоб, Иван Ильич вывалился из комнаты и, стукнувшись о дверь головой, перегородил порог».

Горька судьба Ивана Ильича. Судьба науменковской прозы тоже не слишком завидна — почти вся она, как металлическая стружка, рассыпана по тетрадкам и жестким дискам, которые еще необходимо отыскать. Несколько выпавших невесть откуда магнитов (что это было: счастливые встречи? переезды? солнечная активность?) построили оказавшиеся

поблизости «штучки» в единственно верном порядке. Получилась проза — настоящая, *крафтовая*, как сказали бы обитатели чуждой Виталику эпохи. Остальные сохранил одаривающий (или проклинаящий?) бессмертием фейсбук.

Сохранил он также вот это стихотворение, мерцающее теперь на экране — в утешение тем, кто остался.

Надо стараться радоваться тому,
Что хорошо в Сибири,
То далеко в Крыму.
Только будь уже, а нисколько не шире.

Надо быть проще, прислушиваться к старшим,
Не загоревшимся, скоропостижно угасшим.
Выйдешь на станции «Сорок седьмой километр»,
Станции нету, волосы треплет ветер.

Есть и «Советский спорт», и Расин, и имя,
Долго ли поделиться ими с другими.
Только все спят, я гляжу в окно.
Женщину эту помню я все равно.

Лекцию помню, помню еще весну,
Камешек твой, нашу с тобой волну.
Там не хватало света, берега навсегда,
Чтобы стеной стояли почести и нужда.

Виталий Науменко

КНИГА МНОГИХ ШТУЧЕК

ТЫ ЧТО, ЛУЧШЕ ВСЕХ?

*

Вот так и начнешь верить в мистику. Иду по улице. Идет еще маленькая девочка и больше никого. И вдруг меня толкает какой-то мужик с репликой «Вам привет». Откуда он взялся, какой еще привет?

*

Экскурсия:

— Его территория простирает в основном...

— В заповедных уголках мира обитает тАшкАнчик.

— Есть у нас и фазанарий, но мы на его месте планируем построить джейрарий.

*

Мафиози для вступления в клан обязан доказать, что он убийца. Вот интересно, каким образом. Специально собирать публику, селфи делать?

*

— Сколько время?

— Три полтретьего.

ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ПОД ФИКУСОМ

*

Не устаю нашим людям поражаться. Погода отвратительная, и снег, и ветер, и звезд ночной полет, нет, все вышли, чтобы купить колбасу. Я такой очереди давно не видел. При этом на улице скользко. Передо мной шла женщина, нога у нее поехала, и она практически села на шпагат. И ничего: спокойно встает и идет в стоматологию.

*

Не помню, кто это сказал:

«Первое движение души всегда правильное».

*

Нравится быть идеальной подружкой (нет, с ориентацией у меня все в порядке), просто есть вещи, о которых одна женщина другой не расскажет, а хочется рассказать.

*

У соседней мощнейшая драка. Раздается мужской лай и периодические удары об стену: неужели ее головой? Новогодние празднества уже страшно себе представить.

*

Воспоминания старожилы:

— Как мы питались? Тульский пряник и «Ессентуки № 17».

*

Звонкая девушка.

*

На улице истошно:

— Ты туалетную бумагу купил?!

*

До петровских реформ:

Чем длиннее борода, тем влиятельней человек. Если ее нет, он вызывает подозрения: значит, он не наш, она у него не растет.

ЗДЕСЬ МНОГО СОЛНЦА

*

Один баскетболист сказал: вести дневники — это девчачье занятие. Не согласен со спортсменом. Во-первых, люди меняются, бывает, что фатально, и всегда интересно посмотреть на себя со стороны; во-вторых, память тоже меняется, в том смысле, что одно и то же событие можно подавать по-разному, и тот, кто врет, сам в это верит. От того, что действительно было, остается только каркас. Хорошо, если хотя бы так.

*

— Дайте мне «Футбол».

— «Футбол — Советский спорт»?

— Да.

— Был (оглядывается).

Я обрадовался.

— Был, давно разобрали.

А зачем спрашивать? Какая мне разница, где он был? Но какое исчерпывающее слово: «где-то здесь был», «вчера был», «на прошлой неделе был» — все подходит.

*

У Пушкина брат скончался в 41 год от алкоголизма. Разница, по сравнению с 37-ю, не очень уж большая, но какие разные истории.

*

Советский писатель Засодимский.

*

Графоман всегда определяется по пустотам. Он говорит много, даже осмысленно, но это видимость. Он случайно пришел, уйдет в достойном возрасте, но так ничего и не поймет.

*

В поезде:

— Танцует, как будто забыла, что ее дядя недавно умер.

*

Почему-то в сказках от приемных детей хотят избавиться исключительно мачехи, отчимы — никогда.

*

— Что за семейная разборка без зрителя?

ЗВУКИ МОЛОДОСТИ

*

— А мы веселились. Собаку пивом «Охота» напоили, а потом стали ее хоронить.

*

В фильме Уайлдера:

— На чем держится это платье?

— Наверное, на германской силе воли.

*

Чуковская об Алигер: «Тупорожденная».

*

— Что это за ансамбль? Ощущение, что девочки у вас поют в штанах.

*

Олейников из лагеря: «Ах, Розочка, пришли носки, зубную щетку и мешочки для сахара!»

*

Комплимент: «У вас неожиданные брови».

*

Шварц о Хармсе: «Он, конечно, был последним в роде. Дальше потомство пошло бы совсем уж страшное. Вот отчего даже дети пугали его».

*

«Глупая, как песочные часы».

*

«Алло» по-японски: «Моси-моси».

*

Сковорода:

«Многие переживают, что не в состоянии уже танцевать».

«Чистый звук почтенной персоны».

ИДЕИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

*

— Норма для вас патетика, а что же для вас трагизм?

*

Шварц: «Зато женщин Олейников, Заболоцкий, Хармс ругали дружно».

*

На ЛИТО:

— Что вы вообще хотите?

— Женщин и денег. Ну, еще этого — ну, вы знаете — Рильке — в издании «Литпамятники».

*

— Я же в восьмом классе память полностью потеряла. Полностью. И вот как сейчас помню, в третьем классе...

*

— Намазывал свою руку паштетом и съедал ее.

*

— У вас есть огромные канцелярские кнопки?

*

Танидзаки:

«Да, это была нога, достойная окунуться в кровь мужчин».

*

Нравится:

ЗИЛ: завод измученных лимитчиков.

*

В деревне Мамырь:

— Сколько здесь принято давать на чай?

ЗИМОЮ ЛЕТА НЕ ИЩИ

*

У Пришвина — цитата из соседки:

— В России ничего порядочного нет. Я до границы уйду.

*

Уже сам Пришвин:

— Узнал весть о смерти Толстого и сразу стало так светло.

*

В советском медвытрезвителе:

— Ладно 105 рублей забрали, еще рубль тридцать взяли за обслуживание.

*

Шершеневич:

«Есть страшный миг, когда, окончив резко ласку, любовник весь измяк и валится ничком».

*

Сценарист: Помещиков-Далекий.

*

Из дневника Венички Ерофеева:

«Чайник пуст, как Катаев».

*

— Как-то на Новый год шампанское пили в тазах и в ведрах. А что, шипит.

*

Каждое утро они, еще не встав с постели, начинали петь, причем каждый свое.

*

Буйная деятельность.

*

У Куросавы:

«Рано или поздно бездомный пес становится бешеным».

ДО ШЕСТНАДЦАТИ НЕ МЛАДШЕ

*

Посмотрел очередной фильм про зомби, вышел на улицу. Никакой разницы. Люди ходят зигзагами, непонятно во что одеты, руки в разные стороны, машин не замечают, чуть ли не бросаются под них.

*

Н. перед сном: «Кушать хочется. Для женщины воспитывать мужчину — величайшее наслаждение».

*

Берроуз:

«Писатель не мог закончить роман, у него возникло отвращение к словам».

*

Вьетнамский тест на интерес женщины:

Глаза должны стать больше.

*

— Мне два крыла.

— Ловкач!

*

По телефону:

— Чмоки-чмоки, смайл!

*

Знакомая развелась с мужем и развесила на всех его портретах черные ленточки.

ЗА БОЛЬШОЙ ПАРТОЙ

*

У некоторых есть мания: все менять. Если обои, их нужно переклеить. Если мебель, ее нужно переставить. Если ты не соответствуешь ее представлениям, тебя нужно переделать.

*

Это книга (интересно, кто ее покупает):

«Как писать письма солдатам».

*

В фильме положительные герои: хромонавты.

*

— Люблю фильмы из фантастической жизни!

*

Интересный пароль алкоголиков:

— Ты куда?

— В Коста-Рику за лекарствами.

*

Не скучай за партой,
Познакомься с картой.

*

Салтыков-Щедрин:

«Больше всего нравились мне сближения, выражаемые поцелуями и приветствиями».

*

Сковорода. Оскорбление:

«Плебей-потаскун».

«О, ругатель, к чему песни твои — смех твой?»

*

— Я все слова недоговариваю.

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

*

Проходил мимо скамейки, парень выпендривается перед девчонками. Они его послали. А потом я услышал то, чего вообще не ожидал. Одна другой сказала: «Мы должны задуматься о вечности».

*

— Ты на что всегда ставишь?

— На зеро.

— Вот поэтому я тебя и умнее.

*

На Украине, конкурс:
«Найди сюрприз в майонезе».

*

«Ты начальник, а я имею чувство превосходства».

*

Народное:
«Если ты, выпив, загрустил,
Ты не мужчина, ты не грузин»,

*

— Меня все принимают за киноактрису, а я вообще сериалов не смотрю.

*

Сестра в детстве упала в оркестровую яму. С тех пор падает в обморок.

*

Интересный перевод в книге 55-го года: фильм «Король Конг». Но в общем-то правильно.

*

Лорер: «Удален был в Москву».

ЗА СИНЬ-ХРЕБТОМ В МЕДВЕЖЬЕМ ЦАРСТВЕ

*

Соседи так громко разговаривают, что, когда телевизор без звука, ощущение, что они его озвучивают.

*

Даргомыжский:
«К черту театр. Отправимся в кафе, где пьют шоколад».

*

Из рецензии:

«Кьюкор — почти гениальный режиссер».

А на какой стадии он остановился?

*

Толстой: «Музыка демонична».

*

В Тайшете, в гостинице:

— Я спас ее, вытянув из-под вагона, но поезд срезал ее каблучки.

*

Одесса когда-то была мужского рода: Одесс.

*

Наконец-то прозрение:

Бином Ньютона выражает целую положительную степень суммы двух слагаемых через степени этих слагаемых.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ДЕРЕВНИ

*

Всегда был уверен (и не только я), что Пушкин воскликнул «Ай да Пушкин» после завершения «Евгения Онегина». Оказывается, нет, «Бориса Годунова». И еще он очень долго выбирал между двумя концовками: «Народ ликует» и «Народ безмолвствует».

*

Совсем молодая продавщица. Подходит мужик, который на грани падения. Я думаю: ну купит понятно что. Он говорит: «Джи». Что это означает?

Продавщица: «Вам дрожжи?»

Как она догадалась?

*

Человек каждый день пел у метро песню Летова «Пошли вы все н...й». Случай невероятного упорства. Он думал, что после этого ему кто что-то подаст?

*

Хиппи никогда не называют себя по именам, хотя их прекрасно знают. Это не клички, а скорее характеристики. «Птица Обломинго», например.

*

Мальчик знакомится с девочкой, а она пишет ему поддельный адрес. И искренне радуется: а пускай помучается. Мальчику такое никогда в голову не придет.

*

В гендерном смысле: почему спят всегда валетом, а не дамой? Это ущемляет права женщин.

*

— С кладбища мы обычно веселые уходим. А туда приходим грустные.

*

Вельтман (тонко):

«Кто пел бы приятно и с чувством над гробом своих удовольствий?»

ЗАКОН ЗИМОВКИ

*

Пробелы с историей. Но Киевскую Русь уничтожили не татары, а поляки и литовцы.

*

Авиастроительная стрижка.

*

Про водку:

— Я перестал ее пить, потому что она не глотается.

*

Вельтман: «Сносить своеобразие женщин — согласие с волей младенцев безумных».

*

Наркоманы:

— Голова сгущается.

*

Мания: везде видеть масонские знаки. На какой-нибудь девятиэтажке.

*

В Царицыно две уборщицы не могут поделить пространство и начинают друг на друга орать.
Это такая тяга к труду?

*

Показывая на шею:

— Здесь есть что-нибудь?

— Нет.

— А надо, чтоб было.

ДРАМА В ГОРАХ

*

Когда я работал корректором, в перерывах между работой (а их много) я совершенно не знал, чем себя занять. Потому что читать, если ты и так все время читаешь, как-то странно.

*

Годар:

«Что показано, не может быть сказано».

*

Юнг:

«Желание приобретать возникает от внутренней нищеты».

Он же:

«Никто не может понять, почему надо страдать от себя самого».

*

Наверное, серьезное произведение:

«Лао Цзы со своей танцовщицей на фоне горы празднует вечер жизни».

*

«Бордо Тхегол» (Тибетская книга мертвых):

«Мертвые не знают, что они мертвы».

«Можно заплетать косы одной рукой».

*

Я отдал ей свои лучшие годы, а она мне свои худшие.

КЛЮЧ ТАИНСТВ

*

У Эразма Роттердамского:

«Сколь счастлив сочинитель, который записывает все, что ему придет на ум, только напрасно тратя бумагу».

*

Наконец-то я узнал, как отличить зомби от человека. Зомби не разговаривают.

*

Мания двуличия.

*

«Думай о смерти так: из меня вырастут цветы».

*

Карамзин простудился на Сенатской площади.

*

Почему-то у нас перед тем, как что-то строить, надо все сломать. Телефонные будки, когда-то газовые аппараты, асфальт можно просто разбить ломом и разбросать везде.

*

— Некоторые люди обещали мне большое будущее взамен на акrostихи.

*

Паскаль: «Если бы сны шли в последовательности, мы бы не знали, что такое действительность».

ЕРМАКОВЫ ЛЕБЕДИ

*

Интересный эффект. Соседи друг на друга орут, но этот ор переносится в подъезд и начинает перемещаться по этажам — то есть то приближается, то отдаляется.

*

Низами: «Исколот сам, колюсь я, как терновник».

*

Что более чудесно: рождение или смерть? Мы так и не узнаем.

*

Пушкин: «Уездный лекарь по счастью успел пустить ему кровь».

*

Возле «Новослободской» одна группа студентов раздает портреты Путина, а другая отбирает их и рвет.

*

— Чаще смотри на небо!

*

У Танидзаки:

«Все грустные люди кажутся мне уродливыми».

*

— Я себя чувствую, как рыба об лед.

СЛУЧАЙ В ЗАСАДЕ

*

Когда все вокруг начинают бегать и эвакуироваться, у меня почему-то одинаковая реакция: абсолютное безразличие. На пожары, землетрясения и Тарантино. Вчера эти придурки опять со своей ... пиротехникой дом подожгли. Землетрясения и так каждую пятницу, потому что здесь карьер. Привыкаешь. В Иркутске это часто бывало, и не по графику, я жил, например, в педобщаге на девятом этаже, дом ночью так начинает раскачиваться, что аж с кровати

сбрасывает. Все убежали. А потом целый день на улице стояли, мерзли, боялись домой вернуться. Или приехал в Переделкино Тарантино, опять все убежали на него посмотреть. Ну и что, ну и приехал? А вот какие-то мелочи (обычно дурацкие) цепляются, и ничего с ними не сделаешь.

*

Энциклопедия:

Хайдеггер — реакционный идеолог немецкого шовинизма.

*

«Праведник перемещается в чашу лотоса иногда с супругой».

*

Харуо Сато:

«Глухие почему-то всегда выглядят дураками, а слепые — мудрецами».

*

Вот это очень нравится:

«Высокое дерево открыто ветру».

*

Красота японских женщин: чернить зубы и сбривать брови.

*

Объявление:

«Чебуреки по старинным рецептам».

ПОХВАЛА ТЕНИ

*

Очень интересна система табу. Для меня она, конечно, существует. Но когда тебе ее навязывают чужие, я их не понимаю. Ой, об этом не говори, ой, об этой не говори. Мне бы такое в голову не пришло. Я бы сказал: ну и говори, что хочешь, а я в это время постараюсь понять, что ты из себя представляешь.

*

Праздник любования цветущей сливой: «Гости вернулись в павильон после перемены циновок».

*

«Японские блюда предназначены не для того, чтобы их вкушать, а чтобы на них глядеть и предаваться мечтаниям».

*

Проблема: куда поехать любоваться полнолунием в праздник осеннего солнцестояния.

*

Танидзаки: «Из всех построек японского типа только уборная наиболее удовлетворяет поэтическому вкусу».

*

Песня:

«Вставай, вставай, кудрявая!» У Корнилова в оригинале:

«Вставай, вставай, чумазая!»

*

«В каждой профессии есть свои секреты, а если их нет, это не профессия».

ЗАПОМНИТЕ НАС МОЛОДЫМИ

*

Однообразии тоже бывает разным. Вопрос в уровне. Чем он выше, тем очень похожие друг на друга вещи становятся наособицу, а чем ниже, тем больше они сливаются. Как говорили Ортега и его друг Гассет: масскульт побеждает. Для меня, например, все наши сериалы абсолютно одно и то же: не может быть столько преступлений, статистика перекрыта на 1000 процентов, а вот столько бездарных актеров быть может. В советское время была хотя бы усредненка, но тогда актеры играли и запоминались.

*

«Известия» за 1930-й год:

«Гражданин Свинолулов сменил фамилию на Волгин».

Теперь понятно.

*

Некролог великой Лене Шварц не подписали Рейн и Найман, но подписала Седакова, которая ее, кажется, не любила, и Кушнер, который ее точно не любил.

*

Слова трансформируются. «Фармазон» — изначально франкмасон, а потом тот, кто сбывает фальшак.

*

У Поплавского:

«В Черном море пели водолазы».

*

«Пионерская правда» (1936):

«Славные наркомвнудельцы, руководимые товарищем Ежовым, не колеблясь, действуют, как их учитель».

Ясно, что это хорошие люди, но куда ударение ставить?

*

Там же:

«Советская разведка выкорчевывает, уничтожает, выжигает каленым железом осиные гнезда».

*

Набоков:

«Финал запускает ретроспективный отсчет того, что ему предшествовало».

ДРУЗЬЯ ПАРТИЗАН

*

Иду сегодня. Две тетki стоят на одном месте и о чем-то горячо разговаривают. Иду обратно: осталась одна, но там же. И явно в задумчивости. Какой-то монтаж аттракционов.

*

Из биографии Дзержинского:

«Феликс, узнав о выстреле Каплан, спешит в Москву, примостившись на буферах тифозной теплушки».

*

Птица из яйца идет за первым, кого увидит.

*

Анатолий Васильев:

«Все лучшее происходит в промежутке между игровым и неигровым, искусственным и естественным».

*

У Лотмана удивило:

«Повседневность не может быть сюжетной».

*

Любимый фильм беременной девушки: «Ребенок Розмари».

*

— Насчитала в кадре пятьдесят кошек, ни одна из них не имеет отношения к действию фильма.

*

Ребенок на улице: «У меня такой возраст — мне ничего не будет».

ЕРМАК ИЛИ ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

*

Только сейчас обратил внимание: почему-то все поголовно ходят в черном. На ослепительно белом снегу это напоминает какое-то копошение насекомых.

*

Понравился Сергей Михалков. Он был очень старый, но сколько самоиронии, желания понравиться женщинам. Его медленно вели под руки, и я не мог из-за этого с лестницы спуститься.

*

Бывает и такое: проснулся среди ночи со страстным желанием почитать Льва Толстого. Стал его разыскивать среди книг: нигде нет. Паника. Наверное, возраст.

*

Стриндберг:

«Феминистки еще будут размножаться благодаря дегенеративным мужчинам».

*

Вел курсы журналистики в городе, где три газеты, но ни одного журналиста. А по отчетности их должно было быть шестьдесят. Приходила тетка и упорно ждала, сколько придет. «У вас двенадцать, а должно быть двадцать».

*

Есть слова, значение которых никто не знает. Например, энфантичность. Это означает «Самостоятельность интонации». Ну, и перевод как-то не помогает.

*

— Я наркоман в хорошем смысле.

*

В поезде:

Тот же пейзаж, но все засыпало снегом.

ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРАЗДНЫМ

*

Мне очень нравятся люди, которые не сводят гения к какой-то единице. Вроде «Пушкин — это наше все». Все, что он делает, как правило, разнонаправленно и обобщению не поддается.

*

Поразил факт: Стивенсон, Конан-Дойль и автор «Питера Пэна» учились вместе на одном курсе в университете.

*

Ко мне привязался какой-то мужик: «Давай поговорим». Весь тротуар перегородил. Я иду, он за мной. Выхожу из магазина, он меня подкарауливает. При температуре минус сорок. В таких условиях выжить невозможно. Я опять пытаюсь его обойти. Искреннее возмущение: «Похмели! Я к тебе уже во второй раз подхожу».

*

Птицы приносят счастье, если садятся справа и число их четное.

*

Оглянешься: не хватает красивых людей.

*

— Я бы все книги сожгла. У меня мать их читала, а я ее ненавижу.

*

— Кто такая Цветаева?! Ее дом-музей нужно отдать людям!

*

— Я возвысился, как кедр.

— А я, как кипарис.

ВИДЕНИЯ ВОСТОРГА

*

Философия — вещь поистине великая и очень полезная. В общем:

«Полное отрицание в истинно существующем движении также исключает возможность знания в его неподвижности».

*

Интересная система доказательств: это есть не то, это есть не это. А что?! То же самое, что описывать селедку, и говорить, что она не гриб и не дерево.

*

«Поэзия расцветает обычно после Гражданской войны».

*

Шекспир:

«Ваши египетские гады заводятся в вашей египетской грязи от лучей вашего египетского солнца»

(О крокодилах)

*

Нет домов, где бы не было соседей, желающих познакомиться. Куда ни переселяйся. Им же интересно: а что там у него. Это не русская тяга к общению (хотя и она тоже), а потребность потом всем все пересказать.

*

Народное:

«Нету дома, чтобы не было Содома».

*

Пяст:

«Дрожит БЭдлам, привыкший к крикам».

ДАВНИЕ ВЕЧЕРА

*

Не смог досмотреть кинокартину «Председатель». Все разговаривают исключительно пословицами и поговорками, хотя читать не умеют. Ну, допустим. Меня добил тост на свадьбе: «За нищих и за бедных». А не за «родителей молодых». Логически следующий тост должен быть «за уголовников и бомжей».

*

Блок:

«Есть люди, которые существуют физически, но на самом деле их нет».

*

Брюсов:

«Изящные дамы играют на лютнях, цитрах и флейтах и танцуют с кавалерами альгарду, пассионезу, мавританский и другие новейшие танцы».

*

Он же:

«Я живу уже сверхсложной жизнью».

*

Особенность райских птиц: они никогда не садятся и питаются исключительно воздухом.

*

У непьющих людей есть привычка: притворяться пьяными и думать, что это смешно.

*

Серп и молот в народе: коси и забивай.

*

Уверенность: на сеансах спиритизма все духи отвечают на русском. Юлий Цезарь, Наполеон и т.д. Они когда его выучили?

*

Кафка:

«Откуда мне знать, что у меня общего с евреями, если я не знаю, что у меня общего с самим собой?»»

В ОТЧЕМ КРАЮ

*

«Она предсказала самоубийство кота».

*

Андерсен умер оттого, что упал с кровати.

*

Видел дачу, отделанную стразами.

*

У каждого свои фобии. Один товарищ не выносил, когда играют на гитаре, сразу выходил из комнаты.

*

— Я читала в ванной собрание сочинений Ницше. Вся в пене.

*

Тургенев при появлении нового писателя:

— Пропали мы, пропали! Всех нас лоском положит.

*

Чернышевский.

«Не бывает искусства для искусства, то же самое что богатство для богатства, наука для науки».

Если продолжить: «Животноводство для животноводства», «Бедность для бедности».

*

Некрасов о Гоголе:

«Частные уродливости его характера».

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ МАШУК

*

Секундантом у Лермонтова был некий Васильчиков, но так в историю и не вошел. Лечился Лермонтов некоторое время в Железноводске — смутно похоже на Железнодорожск.

*

Хладнокровно прошел мимо гопников. Их легко определить: они по одному не встречаются в природе. А тут возле ларька штук шесть. Думаю: ну, по выходу они меня оприходуют. Нет. Всеобщий ржач: «На моего брата похож». Все-таки возраст в чем-то и помогает.

*

«Мы весело проводили время. Все дело в грибах».

*

Имя Ира расшифровывается как Ирландская Республиканская Армия. Попытался другие имена расшифровать, ничего не получается.

*

Будда: «Серьезные люди не умирают, только легкомысленные».

ЕДИНСТВО ТОЖДЕСТВЕННОСТИ

*

Никогда не задумывался о стадном инстинкте. «Куда толпа, туда и я». Меня толпа мало интересовала: куда захотел, туда и пошел. Другое дело: попробуй ей это объясни. Ничего не получится.

*

Сумасшедшая советская тяга к сокращениям: «Межрабпомфильм» — это что такое? Это и выговорить-то невозможно.

*

— Ты в гаражах сегодня или за гаражами?

*

На полке стоят, как положено, семь слоников. Только один без ноги, а другой без хобота.

*

Открытка: «Познаю радость, когда дед с бабой рядом воспитывают внука. Голова на работе не болит. Целую. Оля. Нерюнгри»

ВОСТОРГИ ЭСТЕТА

*

Я всегда терялся, когда меня спрашивали: зачем ты коллекционируешь значки и марки, кому они нужны? Я ничего не мог ответить. А подсказки: «Чтобы получить знания» — какие еще знания? И всегда вспоминал про себя Хармса: «Только бессмысленное приятно нам». А если бы я это вслух сказал? У меня знакомая коллекционировала пивные кружки. Но с одним условием: их нужно украсть, покупные — не в коллекцию. Вот в чем тут логика? Да ни в чем. Что и прекрасно. Не кружки красть, конечно, а в том, что степень бессмысленности зашкаливает. На этом фоне мои значки и марки — детский сад.

*

Знакомая не стала читать Бердяева, потому что в купе познакомилась с женщиной из Бердянска. В чем тут связь?

*

Наши люди потрясающие. На телевизоре должна быть салфеточка. А телевизор уже давно сломался. Вот должна — и все.

*

Суды народные и товарищеские. Это как? Мы тебе не народ, а товарищи, а вот сейчас мы тебе не товарищи, а народ. Шизофрения какая-то.

*

«Испытывали Гамлета в лесу девицею».

ЧЕЛОВЕК НА ПОРОГЕ

*

— Ты сказал, что у тебя больше ста книг. Я их пересчитала. Пятьдесят семь.

— А те, которые в шкафу?

*

Борис Примеров, из книги «Некошенный дождь» (67-й год, Тираж: 10 000 экземпляров)

Понимаю, что не понимаю
Чувство старых, пожелтевших трав.
Потому что я родился в мае,
Все зеленое в себя вобрав.

*

Платон: политик ничем не отличается от пастуха.

*

Есть вопросы, в которых уже есть утверждение:

— За что ты меня ненавидишь?

*

Такая песня:

«Что я могу еще тебе, отдав тебе я все грехи мои».

МОДНЫЕ МНЕНИЯ

*

— Людям бывает выгодно поумнеть.

*

— Либералы — партизаны красных идей.

*

— Вы пасмурно выглядите!

*

Перед тем, как выпрыгнуть из окна:

— Хорошо бы еще песку белого насыпать.

*

— Входишь в комнату, только угарно и воздух зеленый.

*

Кэндзабуро Оэ:

«Человек при рождении слабый и нежный, а перед смертью сухой и твердый. Выживают слабые и нежные».

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

*

Когда открываешь нового поэта, жившего за двести лет до тебя, это событие. Очень понравился Виктор Тепляков.

THE BLUE STOCKINGS

Приятно пред родным Пенатом

Скитальца посох положить;

Приятно дядюшкой Филатом

Скорей Плутона угостить,

Приятно старую кокетку

Сарказмом горьким растерзать,

Приятно милую соседку

Женой-хозяйкою назвать.

Приятно также в час разлуки
Ее субретку ради скуки
Рассеянно поцеловать.
Но чепчик, полный мистицизма,
Политики и романтизма,
Всего приятней потрепать!..

*

Про снобизм. Он может быть не только у жалкой прослойки интеллигенции, но и у людей из народа, и сразу вопросы: «Ты когда-нибудь гвозди вбивал?» — «Вбивал». Гениальное продолжение: «А сейчас не вобьешь». Так можно интересоваться до бесконечности «А ты видел Сталина?», «А ты эков ловил?», «А ты менял резину?» Вот это и есть снобизм: самоутверждение за счет другого. То есть: я-то резину менял, а ты нет. Ну и что? Меняй свою резину, сколько хочешь. Бывают совсем удивительные вопросы: «А ты спишь сидя?» — «Нет». — «Вот. Это только я умею — лежать не могу, сразу просыпаюсь». Аргументация своего превосходства принимает часто причудливые формы.

*

Начал разбирать газеты за год. Что меня в наших больше всего поражает: ненависть. Ребята, вы хорошо и в достатке живете, нет, мы хотим ненавидеть. Есть кашу с маслом и пить ликероводочное, разрастаться во все стороны и ненавидеть. Это страшно. В моем детстве, да, была холодная война, но до такой степени она не доходила. И не была повернута к своим. Как у Межирова: «По своим артиллерия бьет».

*

К вопросу о непобедимости нашего народа. Стоим в очереди в кабинет. Заходит женщина «семиметровыми» шагами. Она не видит ни очереди, ни двери, она видит цель. Я оглядываюсь: хоть бы кто возмутился. То есть это нормально. Любой человек, который прет, всегда прав. У каждого своя версия, почему, но мы лучше тихо в очереди постоим, а то еще не примут. Как у Елены Шварц: «Ругаемся? Когда же мы ругались? Вы власть, а власть мы очень уважаем».

*

Человек внезапно смертен. Но я бы добавил: русский человек внезапно смертен. Спокойно спускаюсь по лестнице хрущевки. Вдруг прямо передо мной резко открывается дверь, из нее вылетает стеклянная бутылка и разбивается о дверь напротив. Все. Бессмысленность такого рода выбрасывания бутылок уже нас характеризует. И то, что она могла в кого-то попасть. А могла и не попасть. Мысль после действия. И первая: да какая разница.

*

Собеседница:

— Я летать могу.

— Это как?

— Да вот так. Поднимаешься где-то на метр и летишь полтора метра. Ощущения невообразимые.

— А потом что? Шлепаешься?

— Нет, конечно. Плавно опускаюсь.

*

Ощущение, что люди ходят в магазин с двумя целями, и ни одна из них — что-то купить. Поговорить или погреться. Женщина передо мной рассказала продавщице все о своих родственниках и ничего не взяла. Многочисленные гопники долго любовались тем, что продают, и купили зажигалку, кажется, за восемь рублей. Я себя чувствовал в этом мире странно: потому что пришел в магазин как в магазин. А в провинции так не принято.

*

В пионерском лагере «Железнодорожник» в Братске нам говорили: «Легли и заснули». Естественно, никто не спал. Как можно спать по приказу? С другой стороны, есть множество людей, которые по приказу не то что не заснут, а начнут тебя зомбировать: «Возьми мою руку, теперь ты чувствуешь божественную энергию?» Да ничего я не чувствую. Человек начинается с того момента, когда он меняется, а если ты не меняешься, как тебе самому с собой может быть интересно?

*

Есть такое своеобразное качество: «А я уже говорил об этом или нет?» По воспитанному собеседнику не определишь. Одни воспоминания у тебя накладываются на другие. И сразу мучения: а стоит ли рассказывать? И тут простые люди очень даже кстати. «Ну, это я уже слышала». И здорово, никаких рефлексий. Но и обидно, если ты что-то досочинил, и никто этого не заметил.

*

Посмотрел первый цветовой советский фильм. Называется «Груня Корнакова» (1936-й год). И вот с таким названием при неизвестной еще технике Экк снял шедевр. Каждый кадр — что-то удивительное. Сейчас уже никто на таком уровне не снимает. Фильм — забытый абсолютно, но его бы оценили феминистки. Бабы, как угорелые, пашут на фабрике тарелок, а ими управляют отвратительные усатые мужчины (один из них подозрительно похож на

Николая II). Что в итоге делают бабы? Они на клочки разрывают управляющего, а потом уничтожают и всю армию белых. Груня размахивает из окна флагом, залитым ее пролетарской кровью. Мужики бегут. Не на тех напали.

*

Соображение — вот о чем. Я переводил стихи (не по порядку): английский, французский, грузинский, болгарский, украинский, японский, узбекский. Но я этих языков не знаю. Да и русский не очень-то)) Мне кажется, в этой безъязыкости что-то есть. Мы это обсуждали с Кружковым, который долго изучал староанглийский. Это некая пустота, которая наполняется смыслами, идущими не от оригинала, а скорее от самого себя. Мне очень нравится мысль Кружкова: стихотворение умирает в одном языке, чтобы родиться в другом.

*

Нефантомные боли. У меня первая поэма называлась «Красная лошадь», у Кобенкова — «Мясо в воздухе». Обе не сохранились. Мы мало что из них помнили, но пришли к тому: как же хорошо, что их нет. Все просто: взял и перешагнул.

*

Все это банально, конечно. Но меня все больше это задевает: сколько людей ты уже пережил. И не просто близких, а твоего языка. Главное: почему? В чем тут твое-то достижение? Ты был всех моложе? Не всех. У тебя богатырское здоровье? Нет. Тебя не убивали? Убивали. И что в итоге? Сидит, пишет бесконечные некрологи. Это и важно, и страшно, потому что ты некоторым образом проваливаешься ТУДА, и любой человек оттуда (слава Богу, сегодня живой) воспринимается не как наваждение, но как чудо — точно.

*

Сегодня узнал, что это у моего двоюродного брата восемь (!) судимостей. Как такое может быть? То ли не везло, то ли наоборот везло, а то их было бы двадцать пять. Племянника на лесопилке деревом задавило. Кто следующий?

*

Когда-то железногорский классик живописи решил написать мой портрет. Он думал, что я авангардист. Дальше непонятная мне логика. Уши должны быть с глазами. Рот неизвестно где. И только одинокий нос остался на месте. Получилось черт знает что. Мастер подарил мне этот портрет. Держать его дома — невозможно. Подарить кому-то — никто не возьмет. И он исчез — как-то сам по себе. Мораль: не так уж просто быть авангардистом, если ты не авангардист.

*

Мне мой учитель Анатолий Кобенков говорил:

— Представляешь, я выпустил в конце семидесятых книжку, и после этого за год написал всего два стихотворения.

Не очень на него похоже, но так и было.

И потом он искренне удивлялся: как поэты могут быть малопишущими? Они же теряют уровень.

По-моему, теряют уровень многопишущие.

*

Автор бывает или меньше текста, надувается (всякие Пелевины), или равен ему (это, по крайней мере, честно). А вот когда он больше, тут все и начинается. Если бы Шекспир себя осмыслял, он бы ничего не написал. Достоевский всю жизнь мучился, потому что считал себя плохим писателем.

*

Меня всегда интересовало: о чем думают женщины, когда меняют фамилию. Она ведь влияет на сознание. Я, например, не Науменко. По отцу: Черемных, по маме: Белкин. А перечислить псевдонимы просто невозможно. Судили меня за литературную критику как Зангезина (я так себя назвал в честь эпоса Велимира Хлебникова «Зангези»). Первая публикация вообще была под псевдонимом Мельников. Если ты печатаешь в одном номере газеты или журнала несколько материалов, тебе все равно приходится заводить клонов. «Науменко» я оставил из-за Майка. Ну, из-за первого отчима тоже. Хороший и талантливый мужик был.

*

Еще в 80-е я работал редактором отдела писем в газете «Маяк коммунизма». Родственник непрерывно присылал туда в конвертах (интернета, естественно, не было) аккуратные доносы на своих соседей. Вроде и печатать нельзя, и не печатать тоже. Но надо же как-то реагировать. Сейчас один товарищ регулярно звонит в мэрию и говорит: «У меня ноги болят». «И что?» «И вокруг все сволочи, их надо убить». Таким образом он хочет спросить: «Когда лифт починят?»

*

У всех есть свои скрытые страхи. Если ты управляешь ими — все нормально, а если они управляют тобой? И какие-то необъяснимые. Недавно мне приснилось, что я потерял англо-русский словарь. Что за словарь, зачем он мне нужен? Нет (уже не во сне), я начал его искать

по всей квартире. А тут нет такого словаря. Он где-то при переездах остался. В сражении с памятью ты всегда проигрываешь.

*

Брейгель. Как-то мы с другом поехали в глазную клинику в районе Юбилейного (уже не помню, зачем). И там вот такие люди, с катарактами. Действительно было страшно. Все ходили сами по себе. Никто ни с кем не разговаривал.

*

Есть такие знакомые, от которых деваться некуда. Особенно если он живет у тебя в квартире. И часами рассказывает, какой он замечательный. Мое мнение ему неинтересно. Посторонние темы тоже. Надо выгнать, но как? Впрямую — неудобно. Намеков он не понимает. Самому сбежать, а куда? «Можно я поплю?» — «Да спи. Ну, вот. А дальше...» Такое подразделение ада.

*

У меня был замечательный отчим по имени Гарри (мне было лет пять). Он всем показывал фотокарточку, где он якобы во Вьетнаме. Зато у него был единственный мотоцикл в городе. Работал он в морге. И ничего умнее не придумал, как привезти меня в морг. Лучший способ: уничтожить конкурента, а то мама отвлекается... Один труп плавает в ванной. Остальные лежали по периметру под простынями. Одного он не учел: детской страсти к познанию.

*

У моего отчима уникальная потребность: выбрасывать все, что ко мне относится. В детстве я что-то напишу (графоман был еще тот), все это исчезало. А смысл? Дошло до того, что он выбросил единственный экземпляр романа местного классика Замаратского (сейчас его именем назвали Дом пионеров). Он мне его дал почитать, а отчим, видимо, решил, что это мое словотворчество и выбросил. Понятно, что с головой не все в порядке. Но классика-то, певца Илима, за что?

*

На уроке учительница в школе никак не могла уgomонить класс. Нервы сдали.

— ТрусЫ вы! Все вы трусЫ!

Мертвая тишина. Это же надо осмыслить. Какие еще трусЫ? (с ударением на Ы)

Иногда абсурдизм побеждает.

*

Все или презирают, или высмеивают соцреализм. Искусство в принципе фантазийно. И в этом смысле Павленко от Кафки ничем не отличается. Это некая другая реальность. А если вы хотите эту, выйдите на улицу. Когда читают женские детективы, никто же не углубляется в то, что это бред. У меня мама усиленно читает «Туманность Андромеды» Ефремова и правильно делает. Потому что, если воображение отказывает, ничего толкового и не будет.

*

Я иногда понимаю предпосылки всяких преступлений: просто человек ненормальный. Но когда он вполне нормальный, ощущение, что это какой-то посыл. Зачем гопники сожгли все квитанции по ЖКХ из почтовых ящиков? Они что-то хотели этим сказать? Лифтерша сбежала, и лифт больше не работает. А если и уборщицы убегут? Довоенное время. А за окном все время орут: «Расплескалась синева, расплескалась». Чтобы такой сюр представить, никакой фантазии не хватит.

*

В Иркутске часто случались землетрясения. Я жил в общежитии пединститута, на седьмом этаже. И ночью меня просто выбрасывает из кровати. Я спокойно забираюсь обратно. Утром хожу: а где люди? Это был день великого стояния. Все стояли на улице — чуть ли не весь город. И так целый день. В другой раз: сижу в Союзе писателей, землетрясение — на шкафу стоит кувшин и начинает двигаться. Мне стало очень интересно, упадет он или нет. Все это не потому, что я такой глупый. Просто в моем городе, где добывают руду, каждую пятницу были взрывы и, соответственно, земля тряслась. Но никто на это внимания не обращал.

*

В СССР книги были жутким дефицитом. Библиотекарша крутила романы, все время какой-то мужик рядом с ней сидел. И всегда разные мужики. А я очень любил читать и заодно присваивать себе книги. Ну ладно, Конан Дойля или Вальтера Скотта, это понятно, но я с огромным удовольствием читал Аристотеля. Все в классе за мной ходили: «Верни книгу». А я честно говорил: «Не отдам».

*

Фольклор — удивительная вещь. Мало кто знает, что «Все, что было не со мной, помню» — это Роберт Рождественский, а «Религия — опиум для народа» — вообще Новалис. Мы с Лешей Сериковым перевозили вещи, и он сказал про меня: «Я на чердак переселился». «Ты что, Аркадия Северного слушаешь?» — «Вообще-то это Денис Давыдов». Авторство размывается. То есть ты это можешь цитировать, но ты не знаешь, кто это сказал (кроме ну

совсем классиков). Человек через одну фразу обретает бессмертие. Пускай он, кроме нее, сто томов написал, никем не прочитанных.

*

Соседи — это всегда что-то. Не фильм ужасов. По квартире бегал мужик с топором. И начал этим топором ломать дверь. (В духе фильма Кубрика «Сияние») Что делать в такой ситуации, непонятно. Его забрали в милицию и сразу же отпустили. Потом он стал бегать с пирамидкой в виде Будды, пробил мне голову. Вся комната в крови. Снова его отпустили. Или это маньяк-неудачник, или очень удачливый маньяк. Потому что у органов есть коронная фраза: «Вот если бы он вас убил, мы бы его задержали».

*

Участковый начал мне диктовать про меня же: «В квартире находятся два кресла и два стола. На полу постелен ковер. На кухне тоже находится стол. И холодильник». Я все это аккуратно записывал, не понимая зачем. Это уже такое кафкианство. «Имеется и соседняя комната». Она-то тут при чем? На свет появился документ, который никто и не читал. Ну, раз надо, значит, надо.

*

Когда я был совсем юн, у меня была задача: писать рецензии на все книги, которые выходят в Иркутске. Бредовая идея, но я их всеми способами добывал. И сразу столько врагов — что-то невероятное, зато на их фоне выделялись друзья. Они не говорили: «Молодец, так держать», а примерно: «В чем-то ты прав». Это не поддержка даже, это больше.

*

Страсть русского человека к созерцанию. Стоит мужик, на что-то смотрит. Мне тоже стало интересно. А ничего нет. Может, он на дерево смотрел. Может, вдаль.

*

— Почему ты не снимаешь новогодние украшения? — А зачем? — Ну как, скоро лето. Я не сказал, а подумал: «Ну сниму я их, что изменится? У нас и летом зима может наступить. А праздник останется».

*

Нет, это город неандертальцев. Однажды отчим подходит к выключенному компьютеру и говорит: «А, вот так он работает». Вызвал какого-то мужика, а тот посмотрел: «Его нужно разобрать на запчасти». Что они с неизвестной целью и сделали. Соответственно, вся моя

информация, которая там была, сгорела. Это же не фантик от конфеты. Хуже идиотов только деятельные идиоты.

*

Есть люди, которые любят собирать, и есть те, которые любят все выбрасывать. Часто это приобретает гипертрофированные формы. Собиратели могут завалить мусором целую квартиру. Выбрасыватели выбрасывают все, что видят. Замаратский дал мне почитать раритетные письма. Я стал на их основе писать повесть. Нет, товарищ недалекий подкрался, нашел эти письма и выбросил. Зачем? Естественно, крайним оказался я. Трудно доказать, когда ты живешь с сумасшедшими, что ты нормальный. А зачем ты их завел?

*

У нас страна, от которой можно ждать все, что угодно. Я как-то выступал с чтением стихов в довольно большом городе, и аудитория немаленькая. Спрашиваю их: «Меня слышно?» Гробовая тишина. Видимо, не слышно. Еще раз спросил, то же самое. Тогда какой смысл выступать? Я выступил, конечно. А надо было уйти.